

Д. В. Фролов

О ранних стихах
Осипа Мандельштама

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
Москва 2009

ББК 81.031
Ф 91

Фролов Д. В.

О ранних стихах Осипа Мандельштама. —
М.: Языки славянских культур, 2009. — 312 с.

ISBN 978-5-9551-0345-7

Книга посвящена ранним стихам Осипа Мандельштама, включая первое и второе издания «Камня». Большое внимание уделено проблеме датировки стихов, метрике поэта, композиции первой книги, дается анализ отдельных произведений.

ББК 81.031

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0345-7

© Фролов Д. В., 2009
© Языки славянских культур, 2009

Тане и детям

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга написана профессиональным филологом, но не специалистом по истории русской поэзии. Решение выйти за рамки своих специальных интересов, которыми являются арабистика, исламоведение и — отчасти — иудаика, созрело у автора постепенно.

До 1973 г. я имел довольно слабое представление о творчестве О. Мандельштама. Какие-то стихи иногда попадались, я их переписывал и перечитывал, но их было слишком мало. Когда же мне в руки попал сборник, выпущенный Библиотекой поэта, передо мной распахнулся удивительный мир — мир поэзии Мандельштама. Както сразу стало понятно, что Мандельштам — «мой» поэт. С тех пор, на протяжении уже более тридцати лет его стихи рядом со мной.

Поэзия Мандельштама — загадочна и удивительна. Человека, привыкшего анализировать самые разные тексты, этот интеллектуальный вызов не может не увлечь. Не избежал этого соблазна и я. Постепенно в моем архиве накапливались очерки, которые я читал друзьям и коллегам, не более того. Я никогда бы не решился начать публиковать их, если бы не счастливая случайность, имевшая для меня, как и для многих, огромное значение — встреча с Михаилом Леоновичем Гаспаровым. В 1992 году он выступал оппонентом на защите моей докторской диссертации по арабскому стихосложению. Мы познакомились, разговорились, и Михаил Леонович выказал интерес к моим занятиям стихами Мандельштама. обстоятельные, неспешные беседы помогли мне определиться с направлением моих интересов. Благодаря доброжелательной критике и дружеской поддержке М. Л. Гаспарова, что-то стало получаться, и в 1996 году он опубликовал мою первую статью о Ман-

дельштаме¹. Михаил Леонович и дальше следил за продвижением работы над ранними стихами, одобряя выбранные мной направление и подход. Некоторые из глав данной книги были прочитаны им в черновике, другие — нет, но собрать все в книжку при его жизни я не успел. Когда Михаила Леоновича не стало, у меня осталось чувство неотданного долга моему учителю, каким был для меня академик Гаспаров. Эта книжка и является выполнением обещания в меру моих скромных сил и возможностей, данью памяти замечательного человека и ученого, чье имя для меня всегда будет стоять рядом с именем Мандельштама.

С самого начала меня более всего интересовала ранняя поэзия Мандельштама со времени первых «тенишевских» стихов вплоть до выхода второго издания «Камня» (1916), в значительной части «забытая» самим автором, лишь сравнительно недавно обнаруженная и напечатанная и еще не оцененная в полной мере исследователями и читателями. Даже А. Ахматова, написавшая о Мандельштаме удивительные слова: «У Мандельштама нет учителей... Я не знаю в мировой поэзии подобного факта. Мы знаем истоки Пушкина и Блока, но кто укажет, откуда донеслась до нас эта новая божественная гармония, которую называют стихами Осипа Мандельштама...»², так оценила «стихотворения в письмах» (1909—1910 гг.): «Недавно найдены письма Осипа Эмильевича к Вячеславу Иванову (1909)... Там же множество стихов. Они хороши, но в них нет того, что мы называем Мандельштамом»³.

Проблематика книги складывалась постепенно, по мере того, как накапливался материал.

Я начал с самых ранних, «тенишевских» и парижских стихов, и оказалось, что они являются органической частью поэтического наследия Мандельштама, а многие принципы его поэтики, в частности в том, что касается работы с подтекстами, которые встраиваются в смысловую и образную ткань произведения, актуальны уже в них. Им и посвящена моя первая статья, которая упомянута выше.

Двигаясь дальше, я заинтересовался проблемой стихов 1908 года, года, сначала забытого, а потом «реабилитированного» по-

---

¹ Заметки о ранних стихах Мандельштама (1906—1908) // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1996, № 4, с. 42—52.

² А. Ахматова. Листки из дневника. СС-3, т. 1, с. 26.

³ Цит. соч., с. 10—11.

этом. Оказалось, что далеко не просто определить круг текстов, которые относятся ко времени после возвращения Мандельштама из Парижа и до знакомства его с Вяч. Ивановым весной 1909 года. Авторские датировки иногда отсутствуют, иногда восстановлены по памяти много лет спустя. Попытки разобраться в хронологии ранних стихов Мандельштама привели к неожиданному для меня результату. Постепенно стало ясно, что хронология, как и другие аспекты стихов, является у него элементом художественной формы, участвуя в композиционном построении его первой книги стихов. Доказательству этого посвящена статья «Стихи 1908 года в “Камне” (1916)»⁴.

Следующим шагом стал разбор уже собственно композиции первых двух изданий «Камня», и здесь меня тоже подстерегали неожиданности, когда, например, я сравнил состав ранних «до-каменных» публикаций стихов Мандельштама и состав «Камня» 1913 года, в частности относительно места и роли первой публикации в «Аполлоне» 1910 года как композиционного зачина первой книги. Или когда я сравнил зачины двух изданий «Камня» и обнаружилось, что в обоих изданиях структурно воспроизводится — в смысловом и тематическом отношении — один и тот же зачин, но воплощенный в разном стиховом материале.

Будучи по одной из областей своих интересов стиховедом, правда, не русистом, а арабистом, я давно заинтересовался стихом Мандельштама. Собственно метрика Мандельштама — это первое, что привлекло мое внимание в его стихах, когда мне в руки попал сборник 1973 года. Я тогда начинал писать книгу об арабском стихосложении и считал размеры любых стихов, на любом языке, которые читал. Постепенно эти подсчеты по Мандельштаму стали складываться в таблицы и списки, которые я включил в книгу в качестве приложений, в надежде на то, что данные, собранные и систематизированные в них, могут пригодиться тем, кто занимается поэзией Мандельштама. Из анализа этих статистических данных выросла небольшая глава о стихе Мандельштама, которая для ме-

---

⁴ См.: Четвертый выпуск Записок Мандельштамовского общества «Сохрани мою речь». М., 2008, ч. 2, с. 463—486. Для меня очень важно, что этот текст, который Михаил Леонович читал, неоднократно обсуждал со мною и, в конце концов, одобрил, вышел в сборнике, который посвящен его памяти.

ня есть лишь начало работы над темой и поиск пути, по которому может идти дальнейшее исследование этой темы после фундаментальных работ К. Ф. Тарановского и М. Л. Гаспарова. Кроме того, отдельные заметки о стихе Мандельштама разбросаны почти по всем главам книги.

В книгу включено также несколько экскурсов, посвященных разбору отдельных стихотворений Мандельштама: «В просторах сумеречной залы...», «Шарманка», «Я не слышал рассказов Оссиана...». В последнем случае, как и во многих других местах книги, я очень обязан О. Ронену, замечания которого об этом стихотворении стали для меня толчком и ключом к его анализу.

Из сплетения и переплетения этих основных задач, равно как и побочных сюжетов, возник рассказ о ранней поэзии Мандельштама, который мы предлагаем вниманию читателя. Подход автора к разбору стихов Мандельштама и используемый понятийный аппарат видоизменялся и эволюционировал на протяжении более чем двух десятилетий, когда, иногда с большими перерывами, писались тексты, составившие эту книгу, и добиться полной унификации невозможно. Однако при всех модификациях сам подход оставался тем же, что и обуславливает единство книги. Насколько удалась книга, судить не мне. Не написать ее я не мог. Дело сделано, и я с робостью и волнением отдаю ее на суд читателей.

Я глубоко признателен А. Б. Ковельману, А. Б. Куделину и М. С. Мейеру, которые прочли эту книгу в рукописи и сделали ценные замечания, которые помогли мне в работе над окончательным вариантом текста. Я благодарен П. М. Нерлеру, который оказал мне значительную помощь библиографического характера и любезно предоставил мне свои неопубликованные материалы для Мандельштамовской энциклопедии. Я благодарен всем коллегам, помощь и поддержка которых была для меня очень важна в процессе работы над книгой.

Предмет любви всегда является предметом бессознательного анализа, и только в этом смысле нижеследующее, возможно, имеет право на существование...

Иосиф Бродский

Глава 1

Когда стихи еще не пришли...

В литературе о Мандельштаме уже отмечалось, что повествование в «Шуме времени», если не считать «крымских глав», оканчивается как раз тогда, когда к автору впервые пришли его собственные стихи. Эти стихи, написанные в конце 1906 года и увидевшие свет в начале 1907 в рукописном журнале «Пробужденная мысль», выпускавшемся в стенах Тенишевского училища, были обнаружены недавно. Однако уже сейчас можно утверждать, что именно 1906 год нужно считать началом творчества Мандельштама.

О причинах, которые заставили поэта «забыть» самые ранние стихи и начинать отсчет своей творческой биографии с более позднего времени⁵, нужно говорить отдельно. Мы же взглянем на «Шум времени» как на дневник формирования будущего поэта, посмотрев на это произведение с той именно точки, в которую ставит нас сам автор, который в самой книге четко определяет свою позицию:

---

⁵ В символистский период, начиная с первой публикации в журнале «Аполлон» (1910, № 9), и даже далее, вплоть до первого издания «Камня» (1913), Мандельштам публиковал стихи, которые были написаны не ранее 1909 года, представляя время после знакомства с Вяч. Ивановым и его лекций на «башне» по стихосложению. Позднее поэт сдвинул начало своего творчества на год назад, то есть в досимволистское время, зафиксировав 1908 год как начальную точку в композиции второго издания «Камня» (1916), но более ранние стихи он никогда не вспоминал и не публиковал.

Разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, — и биография готова⁶.

Попробуем прочертить хотя бы пунктиром раннюю литературную «биографию» Мандельштама, уловить тот «шум», в котором еще не прозвучал его собственный, осторожный и глухой, «звук». В воспоминаниях Мандельштама достаточно строго выдержана хронологическая перспектива, которая вообще была для поэта чрезвычайно важным композиционным принципом. То, что упомянуто раньше, то — как правило — и было раньше. Это позволяет нам просто следовать за автором в его рассказе.

I

В начале жизни ребенок не стоит перед проблемой сознательного выбора, он принимает то, что дано ему с рождения. Так было и с Мандельштамом. Эту мысль он выражает в несколько парадоксальной форме, подводя авансом, уже в первой главе, итог своим «дошкольным» годам:

Мне сдается, взрослые читали то же самое, что и я ... Интересы наши вообще были одинаковы, и я семи-восьми лет шел в уровень с веком⁷.

Итак, первый круг чтения Мандельштама — «главным образом приложения, необъятная, расплывшаяся тогда литература приложений к “Ниве” и проч... бережно переплетаемые, [они] проламывали этажерки и ломберные столики, составляя надолго фундаментальный фонд мещанских библиотек». Как пишет сам автор, «эти “Всемирные панорамы” и “Нови” были настоящим источником познания мира»⁸, од-

---

⁶ См. СС-2, т. 2, с. 41.

⁷ Цит. соч., с. 7.

⁸ Там же.

нако собственно литературных интересов в увлечениях мальчика еще не заметно. В основном это было даже еще не чтение, а рассматривание картинок.

Примерно к тому же времени относится и воспринятое на слух представление о Франции и французской литературе, источником которого были французские бонны. Как пишет автор воспоминаний: «Эти бедные девушки были проникнуты культом великих людей: Гюго, Ламартина, Наполеона и Мольера»⁹. Отметим, что в этом ряду все, кроме Наполеона, — писатели. Отметим также, что, помимо Наполеона Бонапарта, более никто из этого списка в ранних стихах Мандельштама (до 1916 года) не упоминается¹⁰.

Эти воспоминания, относящиеся, вероятно, к первой половине девяностых годов, отражают только предысторию пробуждения интереса собственно к литературе.

II

Начало формирования своего литературного самосознания Мандельштам отразил в главе «Книжный шкаф». Хорошо известны и неоднократно цитировались его слова, которые мы тоже считаем уместным привести здесь:

---

⁹ Цит. соч., с. 12.

¹⁰ В стихах этого времени Наполеон Бонапарт прямо упоминается один раз и еще один раз поэт отсылает к нему намеком, не называя по имени. Оба контекста относятся к стихам времени Первой мировой войны и имеют чисто политический характер. В стихотворении «Европа» (1914) из второго издания «Камня» говорится:

Европа цезарей! С тех пор, как в Бонапарта
Гусиное перо направил Меттерних —
Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственная карта.

В незаконченном, по-видимому, стихотворении «Какая вещь Кассандра» (1915), опубликованном уже после смерти поэта, упоминается «Рукопожатье роковое // На шагком Неманском плоту...». Имеется в виду встреча Александра I и Наполеона 25 июня 1807 г., которая закончилась мирным соглашением, см. комментарий в: Камень-90, с. 330.

«Книжный шкаф раннего детства — спутник человека на всю жизнь. Расположение его полок, подбор книг, цвет корешков воспринимаются как цвет, высота, расположение самой мировой литературы. Да, уж тем книгам, что не стояли в первом книжном шкафу, никогда не протиснуться в мировую литературу, как в мирозданье. Волей-неволей, в первом книжном шкафу всякая книга классична, и не выкинуть ни одного корешка»¹¹.

В самом схематичном виде в содержимом этого шкафа¹², так, как его описывает Мандельштам, оказываются три слоя, или «полки»: нижняя, отцовская («хаос иудейский»): Пятикнижие, «русская история евреев», древнееврейская азбука¹³; средняя, тоже отцовская (немецкие книги): «Шиллер, Гете, Кернер — Шекспир по-немецки»¹⁴; верхняя, материнская (русские книги): «Пушкин в издании Исакова», Лермонтов, Тургенев, Достоевский, Тютчев, Фет — и мельком упомянутый Гаршин»¹⁵.

---

¹¹ См. СС-2, т. 2, с. 14.

¹² Сам этот шкаф был передан младшим братом поэта на хранение в Пушкинский дом, см. *Е. Э. Мандельштам. Воспоминания // Новый мир. 1995, № 10, с. 123.*

¹³ Многие моменты остаются неясными относительно того, каков был уровень знаний Мандельштама в еврейском языке и насколько он глубоко знал еврейскую традицию. Однако две вещи несомненны: его интерес к Библии, которая с очень раннего времени является источником образности и идейного содержания его поэзии, и его изначальное внутреннее знание на практическом уровне еврейского быта и уклада жизни, как бы он впоследствии ни отталкивался от него, см. об этом: Кацис 2002.

¹⁴ Имена этого, немецкого ряда, к которому причислен и Шекспир в немецком переводе, как и имена предыдущего, французского ряда, тоже не входят в ассоциативный фон ранней поэзии Мандельштама. Редкие исключения связаны опять-таки с Шекспиром, прежде всего.

¹⁵ Совершенно справедливо замечание Кациса о том, что слои этого шкафа можно изучать отдельно, поскольку «материнское и отцовское в ней (библиотеке. — Д. Ф.) не смешивалось, а существовало розно», см. *Л. Кацис. Осип Мандельштам: мускус иудейства. Иерусалим; М., 2002, с. 168.* Кациса в его исследовании интересуют прежде всего две нижние полки, мы же здесь уделим больше внимания верхней, материнской полке.

Многое можно сказать об этом шкафе, но мы отметим лишь несколько моментов, имеющих отношение к дальнейшему изложению.

Во-первых, «книжный шкаф» детства увиден глазами взрослого поэта, в воспоминании которого из родительской библиотеки осталось только то, что было (так или иначе) значимо для него лично. Так, со слов Мандельштама известно, что любимыми писателями его матери были Пушкин и Гоголь. Между тем, Гоголь, которого не могло не быть на материнской полке, даже не упомянут¹⁶.

Во-вторых, говоря словами самого Мандельштама, «эта странная маленькая библиотека, как геологическое напластование, не случайно отлагалась десятки лет... в разрезе своем, этот шкафчик был историей духовного напряжения целого рода и прививки к нему чужой крови»¹⁷.

Род, о котором идет речь, — это, безусловно, род родительский, еврейский («Как крошка мускуса наполнит весь дом, так малейшее влияние юдаизма переполняет целую жизнь» — писал в 1925 году тридцатичетырехлетний Мандельштам). «Духовное напряжение целого рода» — это стремление выйти за очерченные предками рамки в пространство всемирной цивилизации (не случайно много позже Мандельштам, в котором жило то же напряжение, дал акме-

---

¹⁶ Именно этого Гоголя, стоявшего в шкафу среди книг матери, много лет спустя поэт «выпросил на память» у своего младшего брата, см. *Е. Э. Мандельштам. Воспоминания*, с. 122. Однако на всем протяжении раннего периода творчества поэта Гоголь, насколько мы можем судить, не выступал для него источником образов и поэтических ассоциаций и реминисценций. Интересно сравнить этот список с книгами, которые упоминает Н. Я. Мандельштам, говоря уже о тридцатых годах: «На нижней полке стояли детские книги О. М. — Пушкин “в никакой ряске”, Лермонтов, Гоголь, “Илиада”... Они описаны в “Шуме времени” и случайно сохранились у отца О. М.», (*Н. Я. Мандельштам. Воспоминания*. М.: Вагриус, 2006, с. 283 (глава «Книжная полка»)). Отметим также, что «Илиада», значение которой трудно переоценить для формирования мировоззрения поэта, для которого античные мотивы значили очень много, тоже не названа в «Шуме времени».

¹⁷ См. *СС-2*, т. 2, с. 14.

изму очень личное, очень индивидуальное определение: «тоска по мировой культуре»¹⁸). Этот родовой корень, который для Мандельштама и в 1925 году имел такое огромное значение, что он неоднократно возвращается к теме еврейства и иудаизма в «Шуме времени» и в других своих сочинениях, как поэтических, так и прозаических, нельзя не учитывать при анализе творчества поэта. При всем космизме культурного пространства мандельштамовской поэзии ее творец никогда не был и не мыслил себя «человеком без рода, без племени», космополитом. Мандельштам хорошо понимал, что корень нельзя отсечь, иначе растение засохнет. Не зря, наверное, он обладал таким живым, таким сильным, таким глубинным и неизбывным чувством традиции, какого нельзя найти, пожалуй, ни у одного из поэтов, бывших его современниками, а лишь у людей древности и средневековья.

В этой связи нужно еще раз вспомнить слово «хаос», которое Мандельштам в «Шуме времени» неоднократно употребляет применительно к иудаизму¹⁹. Оттенок этого словоупотребления в тексте по большей части негативный:

Весь стройный мираж Петербурга был только сон, блистательный покров, накинутый над бездной, а кругом простирался хаос иудейства, не родина, не дом, не очаг, а именно хаос, незнакомый утробный мир, откуда я вышел, которого я боялся, о котором смутно догадывался — и бежал, всегда бежал²⁰.

---

¹⁸ Эти слова были сказаны на вечере Мандельштама в Ленинграде в феврале 1933 года, см. *Никита Струве*. Осип Мандельштам. Томск, 1992, с. 252.

¹⁹ Кацис возводит выражение «хаос иудейский» к полемике Мартина Бубера с Отто Вайнигером, см. Кацис 2002, с. 244–246.

²⁰ См. СС-2, т. 2, с. 13. Кстати, слово «хаос» не характерно для лексики ранних стихов Мандельштама. Его нет ни в «Камне», ни в «Tristia». До 1915 года мы нашли только два контекста, где оно употреблено. Первый — это стихотворение «Вечер нежный. Сумрак важный...» (1910) из писем к Вяч. Иванову, где есть строка: «Оглушил нас хаос темный», однако семан-

Однако нельзя забывать, что хаос — это косное начало мироздания, которое, будучи преобразовано волей Творца, становится космосом²¹. Воля же Творца — это творящее Слово.

тически это слово, по-видимому, не связано с темой иудаизма и иудейских корней поэта, см. Тоддес 1974, с. 60 и далее. Второй — стихотворение «Качает ветер тоненькие прутья» (24 ноября 1911), от которого в «Камень» попало лишь одно четверостишие — «О небо, небо, ты мне будешь сниться...». Последняя строка последней строфы этого стихотворения — «И черный хаос в черных снах лелею», где, согласно анализу Сегала, корни опять — тютчевские, см. Сегал 1998, с. 91–94. В рассматриваемом же значении слово скорее из двадцатых годов, когда был написан «Шум времени». Возможно, его употребление в прозе Мандельштама тоже навеяно поэзией Тютчева, а именно, стихотворением Тютчева «О чем ты воешь, ветер ночной?» (1836), где дважды повторено слово «хаос», причем с очень похожими коннотациями:

О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
...
О, бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..

С этим стихотворением могут быть связаны и «покров, накинутый над бездной» (особенно в сочетании с другим стихотворением, написанным Тютчевым на том же листе — «Поток ступился и темнеет»), и хаос как «утробный мир», и мотив страха пред этим хаосом. Кстати, фраза «покров, накинутый над бездной» повторена в «Шуме времени» еще раз в прямой связи с упоминанием Тютчева, см. СС-2, т. 2, с. 33, а в стихотворении «Я по лесенке приставной...» (1922), появляется строка «Сеновала древний хаос», явно навеянная Тютчевым.

²¹ От Тютчева же, упомянутого выше, как это часто бывает у Мандельштама, ассоциативный ряд влечет нас к Библии, а именно к Книге Бытия, где говорится о начале всего и где в еврейском тексте стоят загадочные слова *тоху ве-воху* (Быт 1, 2), которые в синодальном тексте переведены как «безвидна и пуста»: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою». Отметим «бездну», отсутствующую у Тютчева, но присутствующую в тексте Мандельштама. Таким образом, тема хаоса оказывается связанной с темой творения мира. Добавим еще, что библейский мотив *тоху ве-воху* повторяется еще раз у пророка Исаяи (34, 11), правда уже в контексте не творения, а разрушения, уничтожения, в сочетании с мотивом камня: «... и протянет по ней вервь разорения (*тоху*) и отвес (букв. “камней”) уничтожения (*авней боху*)...». Ср. похожий образ в «Шуме времени»: «**Иудейский хаос** пробивался во все щели **каменной** петербургской квартиры угрозой **разрушенья**...» (выделено нами. — Д. Ф.), см. цит. соч., с. 13.

Слово, данное от рождения Мандельштаму-творцу, было русское, материнское слово. В пространстве русской поэтической традиции Мандельштам занялся созиданием собственного поэтического мира, все корни которого были в русском слове и нигде более не могли быть. Напряжение между еврейскими корнями самого Мандельштама и русскими корнями творимого им поэтического мира всегда присутствует в его поэзии, придавая ей такую емкость, такой масштаб и универсализм. Не случайно поэтому то внимание, которое Мандельштам уделяет материнской полке, единственной, где книги описываются подробно и любовно.

В-третьих, в родительском «шкапу» отсутствуют произведения французской и итальянской поэзии. «Встречи» с Верленом и Данте, оставившие большой след в искусстве Мандельштама, были открытием заново, а не припоминанием знакомого с детства. И в том, и в другом случае произошло невозможное — раздвинулись границы «мироздания», которым для поэта являлся состав мировой литературы. Напомним, что единственный английский автор, Шекспир, также причислен к немецкой, «отцовской», полке, что автоматически отодвигает английскую литературу, как и немецкую, куда-то назад, на второй план.

В-четвертых, самыми поздними русскими авторами в книжном шкафу родителей являются С. Надсон (1862—1887) и Вс. Гаршин (1855—1888), а если судить по датам смерти, то А. Фет (1820—1892), единственный, кто дожил до рождения О. Мандельштама. Можно предположить, что после рождения детей мать, пополнявшая русскую полку, занялась домом и детьми, и новые литературные веяния, прежде всего символизм, прошли мимо нее²².

---

²² Если судить по информации, которую снабжает нас поэт, вкусы матери во многом совпадали с интересами ее родственника С. А. Венгерова, см. Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1992, т. 1, с. 411—412. Однако у самого поэта, если судить по высказыванию в «Шуме времени», известный критик авторитетом не пользовался: «Семен Афан-

«Встреча» с символистами произошла много позже, уже в Тенишевском училище, в которое восьмилетний Мандельштам поступил в 1899 году. Год спустя, в Москве, в усадьбе Трубецких, ныне доме отдыха «Узкое», скончался Владимир Соловьев, которого многие считают отцом русского символизма. За девяностые годы, «глухие годы России», символизм в поэзии, начавшийся со стихов Сологуба, Бальмонта, Мережковского, Минского, окреп и сложился в доминирующее литературное направление, заявившее о себе, в частности, первым сборником «Русские символисты» (1894).

Состав литературы в книжном шкафу детства определил, в сущности, границы той литературной вселенной, куда Мандельштам был помещен, так сказать, «по праву рождения»²³, но отнюдь не его место и роль в ней. Для возникновения творческого импульса и сопутствующего ему индивидуального выбора круга литературных ассоциаций, становящихся координатами создаваемого поэтического мира собственного творчества, встраиваемого во вселенную мировой литературы, нужен был внешний толчок, который и стал следующей вехой в творческой биографии Мандельштама, — «встреча» с Вл. В. Гиппиусом (1876—1941).

III

Однако сначала на смену родительскому книжному шкафу пришла общая атмосфера Тенишевского училища, безусловно, повлиявшая на формирование поэта еще до встречи с Гиппиусом, которая произошла не ранее 1904 г.²⁴

сьевич Венгеров, родственник моей матери..., ничего не понимал в русской литературе и по службе занимался Пушкиным...», см. СС-2, т. 2, с. 17.

²³ «Тремя китами» которой стали, как хорошо известно читателям и исследователям Мандельштама, Пушкин, Лермонтов и Тютчев.

²⁴ См. о Тенишевском училище и атмосфере, царившей в нем: А. Г. Мец. Тенишевское училище. Взгляд на архив сквозь стекла «Шума времени» // А. Г. Мец. Осип Мандельштам и его время. Анализ текстов. СПб., 2005, с. 7—50.

Мандельштам сообщает нам об этой атмосфере два примечательных факта. Во-первых, в начале 1900-х годов в тенишевской аудитории проходили юбилейные литературные чтения, организуемые Литературным фондом²⁵. Вот что поэт пишет об этих чтениях:

Главным съемщиком тенишевской аудитории был Литературный фонд, цитадель радикализма, собственник сочинений Надсона. Литературный фонд по природе своей был поминальным учреждением: он чтил. У него был точно разработанный годичный календарь, нечто вроде святцев, праздновались дни смерти и дни рождения, если не ошибаюсь: Некрасова, Надсона, Плещеева, Гаршина, Тургенева, Гоголя, Пушкина, Апухтина, Никитина и прочих²⁶.

Мандельштам приводит также сведения об обычной программе таких чтений: «Море» («Бесконечной пеленою развернулось предо мною, старый друг мой, море») П. И. Вейнберга (1831–1908) в исполнении автора, «Хозяин» И. С. Никитина (1824–1861), отрывок из «Мертвых душ», «Дедушка Мазай и зайцы» или «Размышление у парадного подъезда» Н. А. Некрасова (1821–1877), «Я пришел к тебе с приветом» А. А. Фета.

Во-вторых, организатор и первый директор училища известный педагог А. Я. Острогорский (1868–1908) любил Блока и печатал в своем журнале «Образование» его стихи. Это обстоятельство, несомненно, создавало благоприятную атмосферу для пробуждения в учащихся интереса к поэтам-символистам. Вот как характеризует эту атмосферу, которую можно назвать «горючей смесью», сам Мандельштам:

---

²⁵ Деятельным участником Литературного фонда был вышеупомянутый С. А. Венгеров, известный литературный критик и историк литературы, родственник матери поэта.

²⁶ См. СС-2, т. 2, с. 25.

Книжка «Весов» под партой, а рядом шлак и стальные стружки с Обуховского завода, ни слова, ни звука, как по уговору, о Белинском, Добролюбове, Писареве, зато Бальмонт в почете... Повторяю: Белинского мои товарищи терпеть не могли за расплывчатость мироощущения, а Каутского уважали, и наряду с ним протопопа Аввакума, чье «Житие» в павленковском издании входило в нашу российскую словесность²⁷.

Однако эта характеристика относится уже ко второй половине девятисотых годов, когда в училище уже царил «формовщик душ» Вл. В. Гиппиус.

IV

Гиппиус, по характеристике одного из его учеников, кузен «значительно более знаменитой, но менее талантливой... Зинаиды», принадлежал к плеяде ранних поэтов-символистов. Он начал преподавать русский язык и литературу в Тенишевском училище в 1904 году, когда Мандельштаму было 13 лет. Молодой учитель оказал мощное формирующее влияние на личность и творчество Мандельштама. Сам поэт писал об этом так:

Первая литературная встреча непоправима... Власть оценоч В. В. длится надо мной и посейчас. Большое, с ним совершенное, путешествие по патриархату русской литературы от Новикова с Радищевым до Коневца раннего символизма так и осталось единственным. Потом только почитывал²⁸.

Биограф Мандельштама и исследователь его творчества А. Морозов пишет: «Знакомство с Вл. В. Гиппиусом... ознаменовало для Мандельштама, по его воспоминаниям, конец того природного лирического чувства, какое еще ощущалось в

---

²⁷ Цит. соч., с. 33.

²⁸ Цит. соч., с. 45, 48.